

Да и общины сельскія и городскія, объединяясь около храма въ общихъ дѣлахъ общины, очень узко понимаютъ свое церковное дѣло. Совѣты общинъ занимаются интересами храма, храмового благосостоянія—и почти только этимъ. Но гдѣ общинное церковное учительство, благотворительность, просвѣщеніе школой и книгой? Ихъ нѣтъ! А это значитъ, что по отношенію къ землѣ мы, старообрядцы, менѣе понимаемъ земную идею церкви, чѣмъ даже греки или сербы, у которыхъ около храма сосредоточивается широкая и святая работа благотворительности и просвѣщенія.

Да дастъ намъ Великій Глава церкви силу вести жизнь церкви безъ малѣйшихъ уклоненій отъ воли Его, по завѣтамъ Его.

Наши грѣхи противъ церкви не таковы, чтобы лишить насъ благодати Христовой, но всякое малое нестроеніе въ церкви все же опасно и вредно.

Еп. Михаилъ.

Назиданіе мнѣ.

Одинъ изъ ревнителей по благочестію, возмущенный очевидно моими призывами къ добру и порядку, нашелъ удобный случай поназидать меня, дабы я, такъ сказать, не очень-то „борзился“,—прислалъ мнѣ письмо такого содержанія:

„Многоуважаемый Никифоръ Дмитріевичъ!

Съ большой неувѣренностью берусь за изложеніе нижеслѣдующаго, что оно будетъ напечатано въ вашемъ уважаемомъ журналѣ „Старообрядческая Мысль“.

Потому съ неувѣренностью, что вы обыкли кажется бичевать, что послабѣе, что является „быдломъ“; а то, что „яже превыше небесъ“, вами не только не обличается, но и всячески покровительствуется,—въ тѣхъ, надо полагать, видахъ, что это „превышенебесное“ способствуетъ вамъ въ изданіи журнала, въ свою очередь покровительствуетъ вамъ.

На что ужъ журналы „Церковь“ и „Слово Церкви“, которые, какъ казалось, „и воды не мутили“ въ продолженіе многихъ лѣтъ по той части, чтобы „обличать“ кого бы то ни было (разумѣется, своихъ), и тѣ въ послѣднее время устами новоявленнаго какого-то г. Θεостерикта начали бросать камешки въ чужой огородъ; но опять-таки—въ огородъ „малыхъ сихъ“, „сибирскихъ“ священниковъ, бичуя ихъ за перчатки да за соломенные шляпы. Но не грѣшно ли имъ и вамъ останавливаться,—пусть даже то правда,—на такихъ мелочахъ, когда у васъ подъ носомъ (прошенья просимъ) такія совершаются дѣянія, о которыхъ говорить смыкаются уста.

Вы обращаете вниманіе на поступки сибирскаго духовенства. Я, правда, не сибирякъ, но все же мнѣ жаль, что козломъ, отпущенія служатъ „маліи сіи“, при сравненіи съ которыми въ дѣяніяхъ ближніе ваши являются великими. Вы навыкли говорить о провинціальномъ, о „сибирскомъ“

духовенствѣ, о его соломенныхъ шляпахъ и перчаткахъ. Но почему вы не вострубите въ своихъ журналахъ о болѣе существенномъ, что у васъ передъ глазами, именно вотъ о чемъ. Вы, уважаемый Никифоръ Димитріевичъ, живете кажется въ Москвѣ и должны бы это видѣть и знать.

Во время пребыванія нашего на соборѣ въ текущемъ году намъ пришлось слышать такіа повѣсти,—правда, нѣтъ ли, не знаемъ: когда померъ блаженной памяти арх. Іоаннъ, то по существующему порядку пастырскій жезлъ его, которымъ онъ совершалъ пасеніе своего стада, былъ тотчасъ по погребеніи обвить трауромъ, черной шелковой матеріей и поставленъ на Горнемъ мѣстѣ въ Покровскомъ храмѣ Рогожскаго кладбища.

Нужно сказать, что мы, провинціалы, смотримъ на Рогожское кладбище какъ на центръ старообрядчества, какъ на кафедральное мѣсто московскаго архіепископа. Такъ смотрѣлъ на него и блаженной памяти арх. Іоаннъ, что видно изъ того, что онъ жилъ здѣсь постоянно, совершалъ здѣсь богослуженія. Такъ видимо смотрѣло и московское духовенство на храмъ Рогожскаго кладбища, если помѣстило пастырскій жезлъ архіепископа въ Покровскомъ храмѣ Рогожскаго кладбища. Но въ то же самое время, когда стоялъ въ траурѣ пастырскій жезлъ архіепископа въ Покровскомъ храмѣ Рогожскаго кладбища, въ никому неизвѣстномъ для насъ провинціаловъ другомъ московскомъ храмѣ—„Новиковскомъ“ былъ также обтянутъ трауромъ жезлъ архіепископа Іоанна и помѣщенъ на горнее мѣсто.

Господинъ редакторъ, много говорящій о справедливости, куда же вы смотрѣли, умалчивая совершенно объ этомъ событіи? Развѣ такое дѣяніе новиковцевъ не кощунство (иначе по нашему назвать его нельзя)? Развѣ о немъ должно быть умалчиваемо? А вы молчали. Стыдъ и позоръ для всѣхъ, кто видѣлъ и молчалъ!

Говорили намъ, что будто бы только одинъ митрополитъ Макарій высказалъ противъ этого протестъ. Говорили, будто когда Новиковы пригласили къ себѣ послужить митрополита и онъ служилъ въ ихъ храмѣ, то когда во время Трисвятаго на литургіи бываетъ отшествіе на Горнее мѣсто и владыка митрополитъ пошелъ на оное, то стать было негдѣ, такъ какъ Горнее мѣсто было занято „вдовствующимъ“ жезломъ. Владыка митрополитъ попробовалъ было „удалить“ жезлъ съ этого мѣста, но не тутъ-то было: жезлъ оказался прикованнымъ къ Горнему мѣсту. Однако митрополитъ не примирился съ этимъ и, позвавъ одного изъ сыновей Новикова, строго приказалъ ему освободить Горнее мѣсто отъ жезла, который они поставили незаконно, неподобающе, ибо одинъ жезлъ уже стоялъ въ траурѣ въ Покровскомъ храмѣ Рогожскаго кладбища. Такимъ образомъ только одинъ владыка митрополитъ возмутился духомъ, какъ пророкъ Божій Ілія, противъ беззаконной выходки Новиковыхъ (ужь не вслѣдствіе ли сего не возлюбленъ былъ владыка митрополитъ и ему, святому мужу, изгнанику, не дали въ вѣдѣніе вдовствовавшую московскую кафедру?

Значитъ, тогда вѣрно говорится: не говори правды, если не хочешь потерять дружбы). Такъ отнесся къ этому кошунству владыка митрополитъ, но не такъ отнесся къ нему новопоставленный архіепископъ. Будучи поставленъ въ архіепископа московскаго, ко храму Покрова Пресвятыя Богородицы, онъ снялъ „вдовство“ съ жезла покойнаго архіепископа Іоанна, сдѣлался законнымъ мужемъ вдовствующей архіепископіи. Но сдѣлался мужемъ пока только въ храмѣ Рогожскаго кладбища, въ храмѣ же апухтинскомъ архіепископія продолжала „вдовствовать“, и новый архіепископъ не былъ еще мужемъ этой части московской архіепископіи: ибо апухтинцы, снявъ по настойчивому требованію владыки митрополита, траурный жезлъ съ Горняго мѣста, когда служилъ здѣсь митрополитъ, тотчасъ же послѣ служенія, вновь водрузили его на прежнее мѣсто.

И спустя двѣ недѣли, какъ объ этомъ уже не говорили намъ, а писали въ письмѣ бывшіе въ то время въ Москвѣ (за точность на ручаемся, правду ли они писали)—послѣ своего поставленія и возобладанія жезломъ покойнаго архіепископа Іоанна, новый архіепископъ поѣхалъ служить на Апухтинку въ Новиковскомъ храмѣ, и здѣсь вновь *разрѣшалъ* „вдовство“ архіепископіи московской, *снималъ трауръ* съ другого стоявшаго здѣсь въ храмѣ, на Горнемъ мѣстѣ, жезла. И мало того: читалъ молитвы, положенныя на вступленіе „въ свой градъ“.

Что же все это значитъ? Развѣ, служа въ продолженіе двухъ недѣль въ храмѣ Рогожскаго кладбища, новый архіепископъ еще не считалъ себя въ своемъ градѣ? Не считалъ себя мужемъ московской архіепископіи, а ее законной своей женой? Или московская архіепископія двулика жена. Имѣетъ законную жену и другую еще на сторонѣ,—жену и наложницу?

Дальше идемъ. Г. Феостериктъ говоритъ (№ 38 „Слова Церкви“) о ношеніи сибирскими священниками шелковыхъ разноцвѣтныхъ рясъ.

А мы сами были очевидцами, какъ самые кандидаты на московскую архіепископію являлись на соборъ въ шелковыхъ рясахъ. Это что значитъ? Вы потому молчите, что это дѣется передъ вашими глазами? Блаженный Иеронимъ говоритъ: „Темныхъ одеждъ не носи, точно такъ же, какъ и свѣтлыхъ. Убранства и неопрятности одинаково должно избѣгать: первое говорить о любви къ удовольствіямъ, а второе о тщеславіи. Похвально носить льняную одежду, но не обращать вниманія на ея цѣнность“ (ч. 2-я, стр. 64). А тутъ какъ разъ обращается вниманіе на цѣнность: Фай-Франсе,—что можетъ быть цѣннѣе этого?

Указываете вы на насъ, на наши соломенные шляпы, которыя, поистинѣ сказать, вѣрнѣе было бы думать, мы носимъ потому, что онѣ дешевле пуховиковъ и цилиндровъ, которые носить московское духовенство и которые покупать не по нашимъ скуднымъ средствамъ,—и въ то же время умалчиваете вотъ о чемъ, болѣе чѣмъ существенномъ. Мы слышали на соборѣ, что есть въ Москвѣ протоіереи, которые, не считаясь съ строгими священными, на этотъ случай, правилами, не служатъ никогда

въ своемъ храмѣ. Правила гласятъ слѣдующее: „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или кто-либо изъ сопрічисленныхъ къ клиру, не имѣя никакой настоящей нужды или препятствія, которымъ бы надолго *устраненъ былъ отъ своей церкви*, но пребывая во градѣ, въ три воскресные дня, въ продолженіе трехъ седмицъ, не придетъ въ церковное собраніе: то клирикъ да будетъ изверженъ изъ клира“. (Правило 6-го вселенскаго собора 80). А протоіереи должны служить образцомъ для другихъ: ибо для чего иначе производить въ протоіерейство? Развѣ для незаконныхъ дѣлъ?—Эти протоіереи не только никогда не служатъ въ своемъ храмѣ,—и за это не извергаются,—но и когда была хиротонія архіепископа Мелетія,—не присутствовали за богослуженіемъ, и первенствовали одинъ изъ младшихъ священниковъ. Это потому проходитъ гладко, что дѣлаютъ такъ не „сибирскіе священники“.

Намъ, „сибирскимъ“ священникамъ, говорятъ, что нельзя переходить изъ прихода въ приходъ. А тутъ какъ разъ первенствовалъ переходчикъ изъ другого прихода. Да, кажется, изъ всѣхъ священниковъ Рогожскаго кладбища ни одинъ не поставленъ сюда, а всѣ перешедшіе изъ другихъ приходоу? Или то, что можно въ Москвѣ, нельзя у насъ въ провинціи, въ „Сибири“?

Въ такихъ видахъ, кажется, вы, г. Никифоръ Димитріевичъ, были правы, заявивъ на соборѣ, что хотя новый архіепископъ и былъ избранъ жребіемъ, но что-то подсказываетъ, что должно протестовать...

Да, мы, „сибиряки“, не имѣемъ права возвысить свой захолустный, ничтожный голосъ противъ мнѣнія „богатой“ кучки, но все же имѣемъ право сказать, что если наши архипастыри будутъ своимъ основаніемъ полагать, „паче лежащаго“, защищаемое вами сильное и властное надъ ними новиковство, то добра ждать нечего. Тогда только мы, „сибиряки“, и будемъ служить козломъ отпущенія.

Съ почтеніемъ къ вамъ, уважаемый Никифоръ Димитріевичъ, пребываю священникъ П. С.

Если соблаговолите, чтобы сіи мои строки были напечатаны въ вашемъ уважаемомъ журналѣ, то пожалуйста не ставьте мою подпись: ибо думаю, сами понимаете, какъ можетъ отозваться на моемъ и безъ того бѣдномъ положеніи эта вынужденно—сказанная правда о „сильныхъ міра сего“.

Любопытное письмо и поучительное притомъ, хотя не цѣликомъ вѣрное. Что касается случая съ жезломъ архіепископа, то по провѣркѣ оказалось, что все это было, т.-е. все, что рассказано въ письмѣ священника С., почти вѣрно, и то, что на Рогожскомъ кладбищѣ священники—всѣ изъ переведенныхъ. Но есть также и прямо поставленные къ Рогожскому кладбищу. Также водится грѣшокъ (и очень несимпатичный), что московскіе священники (нѣкоторые) не служатъ сами службы Божіей, а нани-

мають за себя провинціальныхъ священниковъ и притомъ отнимають ихъ у своего прихода. Въ особенности это дѣлается въ лѣтнюю пору, когда священникамъ, москвичамъ, хочется на дачкѣ пожить. Поблаженствовать, такъ сказать, отдохнуть и тѣломъ и душою, а кто вздумаетъ на Кавказъ проѣхаться, а кому пожелается и въ Крымъ. Да, все это, къ прискорбію, водится. И не одинъ о. С. скорбитъ объ этомъ. Но что подѣлаешь? Есть пословица: суди на волка, суди и по волку. Не надо забывать, что священники наши, московскіе, тоже люди, и все человѣческое имъ нечуждо. А бываетъ, что и поработали они уже изрядно!.. Но главное надо знать, что они задачи Христа цѣликомъ на себя не брали, а лишь только отчасти: служить службы, исправлять требы, посѣщать свадебные и похоронные обѣды, посѣщать Хромовыхъ, Миловановыхъ и другихъ имъ подобныхъ. Это вотъ все, что входитъ въ кругъ взятыхъ ими на себя обязанностей; иногда еще случается, что они тщательно заботятся и даже сильно беспокоятся, гдѣ установить у себя на квартирѣ несгораемый шкафъ, ибо на случай пожара хорошо бы его поставить поближе къ выходу, но зато опасно отъ воровъ. Поставить въ кабинетъ—удобно отъ воровъ, но опасно отъ пожара; сложить нажитыя „пѣтомъ и кровью“ денежки въ банкъ, банки лопаются, какъ это разъ случилось въ Одессѣ у г. Осипова (даромъ что нашъ, сущій, а не пощадилъ и своего священника, да еще Рогожскаго, говорятъ, 40 т. стяпаль). Вотъ все вѣдь это заботы и немалыя. Такъ гдѣ же тутъ объ остальномъ-то заботиться!.. Мнѣ думается, имъ и этого довольно. А они имѣютъ еще больше обязанностей: нѣкоторые „очень“ успѣшно дѣлаютъ дѣла со старинными иконами и антикварными вещами вообще, а нѣкоторые оперируютъ съ домами, а то и кирпичными заводами, а нѣкоторые подумывали пріобрѣсти и бани, да съ номерами при нихъ, чтобы и „супружескія“ четы могли ихъ посѣщать. Да мало ли и еще обязанностей принятыхъ ими на себя и притомъ „добровольно“, безъ всякаго понужденія.

Ну и довольно! Чего это вы еще захотѣли?

Не судите и не будете судимы...

А въ особенности вы, „сибиряки“, попадете къ намъ въ Москву, и вы такіе же будете. А то еще и похуже. Говоритъ поговорка: „деревенская овца набалуется въ городѣ, такъ куда бываетъ хуже городской козы“... Вѣдь деньги кого не испортятъ! А въ Москвѣ ихъ достаточно.

Вотъ и еще есть грѣшокъ за батюшками московскими: ужъ шелковыя-то матеріи это туда-сюда, вѣдь московскій попъ долженъ быть приличенъ, иначе его и въ переднюю московскія „овцы“ не пустятъ, а вотъ еще широкіе рукава начали появляться, это ужъ Богъ знаетъ что такое, и покрой одеждъ смахиваетъ какъ будто на одежды египетскихъ жрецовъ Изиды... Но, къ сожалѣнію, это мы замѣчали и у „сибирячковъ“, есть это и у петроградцевъ, а также и у насъ, у егорьевцевъ, проскальзываетъ, да

и еще кой-гдѣ... Съ господствующими-то соединяться вы, батюшки, строго намъ запрещаете, а сами-то имъ усердно подражаете: и волосики по плечикамъ, и рукавчики аршинчикъ, другой, ширины, не больше.

Все это вѣрно. И я съ вами, о. С., въ этомъ почти что согласенъ, но вотъ въ чемъ не соглашусь: во-первыхъ вы напрасно жалуетесь на нѣкое „Ѳеостерикта“ и „Слово Церкви“ журналъ, и „Церковь“. Они какъ были „не замути воды“, какъ вы и сами сказали, такъ таковыми и остались. А если къ нимъ и заглянулъ разъ или два г. Ѳеостериктъ, такъ это какъ-то такъ, случайно, что называется „съ курка сорвало“, ну и выстрѣлило... А то сами посудите, зачѣмъ же, зачѣмъ же это имъ надо заботиться о своей собственной-то хатѣ, чтобы все-то въ ней было чисто прибрано и на мѣсто поставлено, когда заботы полонъ ротъ о непорядкахъ въ сосѣдской хатѣ и ея задворкахъ. А потомъ: да у насъ все и въ порядкѣ: архіепископовъ у насъ выбираютъ соборне, посредствомъ свободнаго тайнаго голосованія, лицами на то избранными отъ всей Церкви, а это, конечно, ничего, что жребій метнули и выбрали не изъ тѣхъ, изъ которыхъ хотѣлось, это такъ, случайно, а то вѣдь все было соборне, честь по чести... Хорошо вѣдь у насъ и то, о. С., что вы и сами, очевидно, сознаете, что протесты о непорядкахъ всякій высказать можетъ свободно и громко притомъ, но... изъ-за угла только, чтобы, крикнувши, можно сейчасъ же и спрятаться, а то вѣдь узнаютъ пожалуй. Такъ и вы, конечно, поступили: написали многонько, и правды притомъ, къ чести вашей приписать, да вотъ подписаться забоялись. И сами знаете отчего и сами это сказали. Ну а если вы это знаете, какъ же „Слово-то Церкви“ не будетъ этого знать? Оно и знаетъ и молчитъ. Развѣ оно не знаетъ, что: „рѣчь—серебро, а молчанье—золото“. Ну оно и избрало золото.

Знаетъ и видитъ оно многое, да говорить-то не хочетъ, ибо кому охота терять дружбу, а съ нею и золото. Вотъ вы всѣ и валите на меня одного: говори, говори правду!... Громче... громче ее кричи!... А сами: письмо помѣсти, а подпись мою не надо... Эхъ вы, трусы, трусы... До чего вы дожили, даже своимъ о Христѣ братьямъ боитесь правду сказать открытымъ лицомъ... И послѣ этого стоило Христу итти на распятіе за Насъ?.. Вы, взявшіе на себя иго Его служенія, и вы трусы? И трусы не передъ грозною властью языческихъ кесарей или яростной, дикой толпой іудеевъ, а передъ своими „собратьями—служителями Христа“, передъ своими отцами-архіереями, „намѣстниками Христа на землѣ“... Такъ что же это случилось съ вами?.. Что это какъ не та „соль обуявшая“, которую: „выбросить только“, ибо она негодною стала другихъ осолять.

Вотъ мнѣ вы, о. честный, цѣлую лекцію прочитали, что я обличаю только „малыхъ сихъ“. Я, конечно, не въ обидѣ на это, назидать и меня надо, въ особенности когда я уклоняюсь отъ достодолжнаго, и вамъ за это спаси Христось, но только вы неправы: у меня нѣтъ „лицъ“, всѣхъ и малыхъ и сильныхъ, разъ они неправы, я критикую (не обличаю), по силѣ

возможности, и критикую не съ цѣлью обидѣть, оскорбить, причинить вредъ, а съ цѣлью добиться пользы для Церкви Христовой. Развѣ покойный арх. Іоаннъ—малый сей? Развѣ еп. Иннокентій—къ малымъ симъ также принадлежитъ? Да и самый соборъ—это тоже малый сей?.. Что вы, Богъ съ вами, вы, очевидно, способны понимать только личную боль: васъ обидѣлъ какой-то „Ѳеостериктъ“ за перчатки и соломенные шляпы, и вамъ уже больно, вы, недоставши его, и ухватились за меня?

Да я-то тутъ при чемъ?.. Правда и я не одобряю франтовства, щегольства священниковъ, я также скажу, что священнику приличнѣе заботиться о своей духовной красотѣ въ первую голову, а о внѣшней только потомъ, и то въ предѣлахъ приличной скромности, но я, повторяю, не знаю лицъ ни малыхъ, ни великихъ, я всѣмъ одинаково скажу правду, если я чувствую, что сказать ее нужно. И я ее говорилъ, говорю и буду говорить, пока въ силахъ. И говорю не изъ-за угла, а прямо, открыто, отъ своего лица.

И не надо думать, что мнѣ это сходить съ рукъ безнаказанно. Далеко нѣтъ: меня за это „политическимъ“ сдѣлали, обыскали, мучили цѣлыя десять лѣтъ, грабили мое достояніе на законномъ основаніи и, наконецъ, въ тюрьму засадили и немедля стремились сослать въ ссылку сначала административно, а потомъ и судебнымъ порядкомъ. Отдавали подъ негласные надзоры, производили дознаніе и на бѣлыхъ, и на розовыхъ бланкахъ, и вели судебное слѣдствіе съ предъявленіемъ грозныхъ статей уголовного уложенія какъ государственному преступнику замыслившему якобы о ниспроверженіи существующаго государственнаго строя. И все это предъявлялось мнѣ—человѣку и въ мысляхъ никогда ни о чемъ подобномъ не мечтавшему. Мнѣ—преданному царисту, преданному по моему внутреннему убѣжденію единовластительству... Развѣ все это легко было переносить?! Переносить преслѣдованія отъ представителей власти Царя предданнѣйшему Его подданному. И только одно было утѣшеніемъ—сознаніе, что это дѣлали даже не слуги царя, а свои родные, кровно-духовные братцы, и за то только, что я имъ говорилъ правду. Это мои страданія за правду, перенесенныя въ области гражданской жизни, но развѣ вы не знаете, какъ тяжело насѣдали на меня мои отцы, владыки и братья въ жизни духовной? Развѣ вы не читали тѣхъ статей въ „Церкви“, что клеймили мою даже частную жизнь самымъ изощреннымъ въ злобѣ и брани языкомъ? Языкомъ „яко бритва изощрена“, какъ сказалъ бы царь Давыдъ. Развѣ вы не читали въ нашемъ же журналѣ грязныхъ анонимокъ, клеймившихъ меня всячески, и клеймившихъ опять-таки меня въ моей частной жизни. А интервью съ еп. Иннокентіемъ вы не читали?.. А развѣ вы не помните какъ на одномъ изъ соборовъ обсуждали докладъ о непристойныхъ поступкахъ журнала „Церкви“, а приговоръ вынесли „Старообрядческой Мысли“. Не помните вы этого?.. Да?.. А это поучительно. Судили Ѳедора, а обвинили Никифора... Почему это?

А „отеческое увѣщаніе“ собора къ нашему журналу вы не читали?.. Тоже поучительно. И все это мы переносили не отъ „малыхъ сихъ“, а отъ „весьма великихъ“. И все это далеко не исчерпано. Припомните хотя бы—отдача подъ судъ редактора нашего журнала еп. Иннокентіемъ. Развѣ это ничего не говоритъ?..

Такъ вотъ, уважаемый отецъ, говорить правду нелегко было во времена пророковъ, ихъ за это деревянными пилами пилили, нелегко ее было говорить во времена Христа, Его ко кресту за это пригвоздили (священники), ничуть не легче говорить ее и теперь. И не думайте, что трудно говорить ее только для васъ, священниковъ. Нѣтъ, для насъ, мірянъ, это ничуть не легче. Но мы ее по мѣрѣ силъ говоримъ и васъ къ тому же зовемъ. Но при этомъ мы просимъ говорить дѣйствительно только правду, не личную правду, а общественную, т.-е. обличать или, точнѣе, критиковать не частную жизнь, поступки какого-либо лица, малаго или великаго, а его поступки общественнаго значенія, служенія обществу, церкви. Вотъ уже седьмой годъ кричу я всѣмъ, зову на борьбу со зломъ жизни, а вы все смотрите изъ-за угловъ и боитесь показаться, а если иногда и крикнете изъ-за угла или подворотни, такъ опять на меня же, а не на зло жизни, губящее счастливое существованіе человѣка. И вотъ стою я передъ вами одиноко почти. Ухаютъ на меня всѣ почти, защитниковъ немного, если не отсутствуютъ совсѣмъ, а подзащитныхъ, слабыхъ, больныхъ и обездоленныхъ сколько хочешь. Такъ что же мнѣ дѣлать?..

Идите же. Идите же всѣ со мною. Пойдемте разомъ за Христомъ и будемте совмѣстно творить дѣло Божіе.

Вы говорите о засильѣ Новиковыхъ надъ іерархами. Такъ давайте спасать ихъ отъ этого засилья. Вѣдь нашъ журналъ ужъ немало говорилъ о „подвигахъ“ гг. Новиковыхъ. Но развѣ ихъ словомъ прошибешь?.. Имъ отъ этого ничуть не больно. Говорилъ я о ихъ дѣяніяхъ и на соборахъ (о завладѣніи въ личную собственность апухтинскимъ храмомъ), да вѣдь вы же всѣ, соборяне, попрятались по закуткамъ и не поддержали, а покойникъ архіепископъ, блаженной памяти, прямо сказалъ, что я оскорбляю моими заявленіями истинно вѣрующіхъ людей. Вотъ поди-ка, убѣди его. А то, что эти „истинно-вѣрующіе“ захватнымъ путемъ овладѣваютъ достояніемъ церкви, это ему „никчему“, какъ выражаются у насъ.

Не мало разговоровъ было съ покойнымъ архіепископомъ и о нашемъ егорьевскомъ храмѣ, которымъ также путемъ правды и неправды завладѣлъ покойный попечитель Бреховъ, а нынѣ оставилъ его въ наслѣдство людямъ для нашего общества чужимъ. Говорилось объ этомъ и въ печати, и на соборахъ, и также безплодно. А мнѣ-то за это и пострадать, какъ я уже сказалъ, пришлось, да и наша же община меня поругивала, и даже прилично, и вотъ только теперь стала понимать, что я говорилъ тогда, и то только чуть-чуть. Архіепископъ на это тоже говорилъ—„не обижайте вѣрующаго человѣка“. А что эти „вѣрующіе“-то обижаютъ все общество,

это ему также „никчему“. И по его логикѣ, пожалуй, онъ и правъ. Вѣдь люди эти: длиннородые, длиннополье, всякую службу на клиросѣ, за прѣзды вознаграждаютъ прилично, такъ чего же еще?

А если и хитятъ общественное достояніе, ну такъ то общественное. Очевидно, Богъ съ нимъ, съ общественнымъ-то. На то оно, очевидно, и общественное.

Мы ничего не добились своими обличеніями и бичеваніями пороковъ общественной жизни, но не устаемъ пороки называть пороками, и зовемъ всѣми силами души и сердца нашихъ братьевъ бросить нехристіанское дѣло, но преуспѣваемъ мало.

Почему?.. Потому, дорогой отецъ, что мы одиноки и поддержать насъ некому: всѣмъ даже кажется, что мы враги всѣмъ лично и даже враги св. Церкви Христовой. Это ничего, что мы на самомъ-то дѣлѣ друзья всѣмъ и каждому и печальники о благѣ общества, да вотъ кажемся врагами, ну а что мы друзья-то всѣмъ, это всѣмъ и „никчему“.

Вы обвиняете насъ, что мы умышленно молчали о случаѣ съ посохомъ архіепископа. Но это неправда. Мы это узнали только отъ васъ и послѣ сего съ трудомъ провѣрили, что это правда. Хотя возможно, что если бы я знали, пожалуй, ничего бы въ печати не сказали, ибо вѣдь на „чудеса“, которыя творять гг. Новиковы заживо, развѣ можно обращать серьезное вниманіе? „Чудесятъ“ себѣ и пусть чудесятъ... Говорить объ этомъ, да еще печатно, такъ это слишкомъ много чести. Они, пожалуй, подумаютъ, что они и взаправду чудесники.

Живу я не въ Москвѣ, а въ Егорьевскѣ—къ вашему свѣдѣнію.

Н. Зенинъ.

О крестномъ знаменіи.

„Даль еси боящимся тебѣ знаменіе,
еже убѣжати отъ лица лука (Пс.
59. 6).“

Мы, старообрядцы, привыкли отмѣчать недостатки за чадами господствующей церкви въ томъ, что они не могутъ оградить себя крестнымъ знаменіемъ такъ, какъ того требуютъ даже ихъ же, господствующей церкви, катихизисы. Въмѣсто крестнаго знаменія они, почти всѣ безъ исключеній, выдѣлываютъ на груди какое-то диковинное „шалтай-болтай“. Такъ мы открыто говоримъ о сынахъ господствующей церкви, и это вѣрно. Но „шалтай-болтай“ понемногу свиваетъ себѣ и у насъ прочное гнѣздо. Бывая въ храмѣ, поражаешься небрежностью полаганія на себѣ крестнаго знаменія не только нашей современной мнимо-культурной молодежи и дѣтворой, но и отцами семействъ и почтенными людьми, занимающими въ общинахъ и приходахъ видное положеніе, а часто не умѣющими правильно изобразить на себѣ